

Антон Ильич Персиков, мужчина двадцати восьми лет, среднего телосложения, определенного, но довольно скучного, чтобы упоминать его здесь, рода занятий, прибыл в Москву в районе восьми утра. Он был одним из нескончаемого, не поддающегося исчислению потока транзитных пассажиров, использовавших столицу как перевалочный пункт при движении из одного города в другой. Таким он виделся Москве, но совсем не такой виделась Москва самому Антону Ильичу. Она была единственной и среди всех городов и станций, через которые Персикову доводилось проезжать, занимала особенное место.

Он когда-то бывал здесь и помнил, как хотелось в те полтора часа между прибытием одного поезда и отправлением другого вместить, словно в маленький дорожный чемодан, и Красную площадь, и Патриаршие пруды, и другие места, о которых он слышал. Но как до них добраться, Антон Ильич не представлял, масштаб столицы вызывал у него оторопь, и он лишь успел поглазеть на Москву из окон двух трамваев, на которых с пересадкой добрался от Белорусского вокзала на Ярославский. Теперь ему предстояло проделать обратный путь, а времени было столько же: часа полтора-два.

Но на этот раз Персиков точно знал, что сделает в первую очередь: он зачекинится. Антону Ильичу было известно: все только делают вид, что смеются над соцсетями и вообще над всей жизнью по ту

сторону монитора, на самом же деле нервно считают лайки, гордятся ими, соревнуются, выдумывают целые стратегии, чтобы эти лайки получить. Жизнь «та» давно определяла жизнь «эту».

Антон Ильич мог одним жестом взорвать в их болоте бомбу, никто из его френдов носу не казал дальше родного города. А тут получите, распишитесь – Антон Персиков здесь: Москва, Россия. От нахлынувшего приятного возбуждения он натурально потирал руки. И, едва обогнув здание вокзала, остановился, поставил чемодан к стене, достал телефон.

– Во бомбанет-то! – обрадовался он. – Мишка и Генка усрут там, Настюха обзавидуется. Сразу небось захочет повидаться. Всем интересно, что там, в Москве.

Но, проделав привычные манипуляции в телефоне, Персиков столкнулся с первой неприятной неожиданностью. Не было интернета.

Увлеченный тем, что всю дорогу представлял реакцию друзей, он страшно отдалился от реальности. А та была настолько суровой, что за интернет в ней приходилось платить. Проверив свой счет, Персиков приобрел совсем уж несчастный вид: для интернета, а тем более в роуминге, средств не хватало.

Антон Ильич было подумал, что в таком городе, как Москва, вай-фай просто обязан быть бесплат-

ным и доступным в любой его точке, а тем более такой стратегически важной, как площадь трех вокзалов. Увиденное на экране телефона его вновь разочаровало: сетей было очень много, но каждая оказалась запаролена.

– Чего им, жалко, что ли? – проворчал Персиков беззлобно, схватил чемодан и направился ко входу в метрополитен: известие о том, что в московском метро вай-фай-то уж точно есть, доказалось даже до его небольшого города.

В переходе ждал еще один неприятный сюрприз – низкий зубчатый потолок, который нависал, казалось, над самой головой и угрожал упасть. Но страшило даже не это, а то, что при ходьбе каждый новый потолочный выступ, а их предстояло не меньше сотни, мог ударить по лбу или, хуже того, просто снести верхушку черепа, вздумай он ускорить шаг. Невольно Персиков пригнулся и кое-как дошел до турникетов. И уже на эскалаторе, расслабившись и отдышавшись, снова вспомнил про телефон. Чтобы больше о нем не забыть.

В метро заскочил в первый поезд, не разбираясь, куда он идет, решив, что посмотрит, где «Белорусская», уже спокойно зачекинившись. Однако и на сей раз его ждала неудача. Вай-фай принимал, но слабо. Персиков убил кучу времени, пытаясь зайти на страницы и переподключаясь вновь, и только потом понял, что для подключения требуется регистрация. Он прошел и ее, в результате чего на экран вылезли несколько окон с рекламными роликами, заработать которым в полную силу не позволяли мощности старого телефона.

Антон Ильич начал психовать, чувствуя, как уходит драгоценное время в столице, и выключил телефон. Поскольку это не получилось сразу, он нервными руками открыл крышку, извлек и снова вставил аккумулятор.

Телефон включался долго, так же долго искал сеть и невыносимо медленно к ней подключался. Затем снова выскочили дурацкие ролики, но Персиков набрался терпения и сумел, десятки раз тыча в одну точку, добиться того, что они исчезли. Потом грузилась страница «Контакта», и Персиков, вдохновленный скорым успехом, уже не мог усидеть на месте, расхаживал по вагону. Окружающих это не удивляло, будто бы именно такого поведения стоило ожидать от человека, приехавшего в Москву. Или, наоборот, от местного?

Наконец «Контакт» загрузился, но почему-то упорно не захотел определять местоположение. Не находилась не только Москва, не находилось вообще ничего. словно бы он, Антон Персиков, нетерпе-

ливо пританцовывал с телефоном в руке, находясь посреди Абсолютной пустоты.

И вот Персиков заметил, что на телефоне вообще перестало что-либо происходить. «Контакт» уже ничего не искал: картинка на экране неприятно поражала своей статичностью, и Антон Ильич понял: телефон завис. В это же время прозвучало объявление: «Станция “Комсомольская”»; он снова приехал к вокзалам, сделав полный оборот по кольцу. Повинуясь необъяснимому импульсу, вышел из вагона и снова разобрал телефон. Только теперь он больше не включался.

«Твою ж мать! Ну, твою ж мать!» – ругался Персиков, мчась к эскалатору. Ему пришлось постоять в небольшой пробке: духота и невозможность вырваться из толпы, да еще и в сочетании с мыслью, что все пошло не так, делали его пребывание в Москве невыносимым. Едва вырвавшись на воздух, он отправился в сторону железнодорожного моста: за ним, помнил он с прошлой поездки, стояли салоны связи. Времени оставалось мало, как раз на посещение салона и дорогу: «Там же сяду в трамвай. Так даже лучше, хоть Москву опять увижу».

Но салонов за мостом не оказалось. Не оказалось вообще ничего, только голый сквер, в котором пили бездомные. Прямо открывался широченный проспект без признаков каких-то магазинов, идти назад к вокзалам не хотелось. «В конце концов, на “Белорусской” зачекинюсь», – успокоил он себя, решив, что минут десять до отправки поезда точно окажутся в запасе.

Но трамвай ехал медленно, по дороге несколько раз застревал из-за машин на дорогах, какой-то дурацкой аварии. Причины мало интересовали Персикова: он все больше нервничал, сидя на заднем сиденье и вращая в руках телефон. От огрызка трамвайной линии, которая служила конечной, до вокзала он буквально бежал, расталкивая прохожих, перебегая дорогу на красный свет и волоча за собой неповоротливый чемодан. Времени оставалось мало.

В единственный салон связи, встроенный в здание вокзала, Персиков буквально ворвался, взлохмаченный, переполошив сонных, как мух на окне, продавцов.

– Вот! – прохрипел он, шумно вдыхая и выдыхая. – Парень, поезд уйдет! Очень надо!

Продавец пристально осмотрел самого Антона Ильича и только затем телефон, подчеркнуто медленно, со скучающим видом. Персиков же произвёл столько шума, что девушка на кассе, поглядев на него с укоризной, попросила успокоиться.

- Так у вас батарея села, – все так же скучая, прогнусавил продавец.
- А зарядить можно, а? – с надеждой спросил Персиков.
- Ну, можно, – протянул парень, но его голос перебил другой, механический и резкий, словно ножом полоснувший по слуху Антона Ильича: с такой-то платформы отправляется поезд номер... Персиков не стал дослушивать: ситуация не терпела промедления.

Выскочив из салона связи, он помчался к своему поезду, на ходу пряча севший телефон в карман. Увидел, как проводники заходят в свои вагоны и накрепко закрывают двери. И только теперь понял, что не поинтересовался даже, какой у него вагон.

- Стойте! – бессильно кричал он. – Стойте же!

Но поезд уже отплывал, покачивая вагонами, от пустой платформы, и Персиков бросил взгляд на часы: точно по расписанию. Несколько метров он пробежал по инерции, а затем остановился, согнувшись пополам: от непривычки к бегу резко закололо в боках, закачало и затошнило. В довершение всех несчастий он отчетливо представил, как теперь предстоит сдавать просроченный билет, покупать на последние деньги новый, куда-то девать себя: а вдруг следующий поезд вообще завтра? Все это не прибавляло оптимизма.

Но Персиков точно знал одно – куда он отправится первым делом, как только сможет нормально дышать. И эта мысль помогла забыть обо всех неприятностях разом, словно в дождливый и пасмурный день из-за туч проступили лучи солнца. Антон Ильич проводил взглядом поезд и широко улыбнулся.

- Слава богу, – прошептал он, чувствуя, как на глазах выступают слезы. – Слава богу, опоздал!

